

Страна святых чудес

Протоиерей Вячеслав Перевезенцев

9 октября

Получается, что уже сегодня, после Литургии, отправляемся с Дашей в путешествие. Едем на машине, далеко. Бог даст, побываем в новых местах, повидаем старых друзей. Просим ваших молитв. Наша Тоня оставила нам вот такую открыточку:

Вас уносят ветра
В неземные края
За поля, за снега,
Словно страны клюя.
Возвращайтесь скорей
будем жить веселей.
Для меня нету в мире любимей друзей!

11 октября

Долгий был путь сегодня. В Бресте на границе было полно машин, поехали севернее через Белосток. Так что пришлось проехать почти всю восточную Польшу, до г. Жешув, где нас приютили отец Ярослав и Оля. Чудесным ужином и теплой беседой завершился день. Завтра едем дальше.

11 октября

Вчера, проезжая через г. Бельск-Подляски, около храма Божьего Милосердия видели памятник жертвам Катыни. Это достаточно недавний мемориал, посвящен он также и погибшим под Смоленском весной 2010 г.

11 октября

Сегодня в Чехии, по дороге из Польши в Австрию, проехали мимо места, где была битва при Аустерлице. Летом были с Тоней на Бородинском поле, и вот теперь — Аустерлиц. Может, это потому, что я сейчас перечитываю «Войну и мир» :)

Заехали в Вену, остановились в случайном месте и оказались рядом с православным храмом. Вечером немного походили вокруг собора св. Стефана и опять в путь, в сторону Альп.

12 октября

Ну и ливень! Опять дождь, и это вроде надолго. Обидно, досадно, ну да ладно. Подъехали к предгорью в Австрийский озерный край, днем должны перейти через Альпы и спуститься к морю, в Венецию. Боюсь, что всей красоты этой мы и не увидим. Остается читать Бродского, который так любил Венецию, и размышлять: так ли семейно шуршание дождя?

Средь бела дня начинает стремглав смеркаться, и
кучевое пальто норовит обернуться шубой
с неземного плеча. Под напором дождя акация
становится слишком шумной.

Не иголка, не нитка, но нечто бесспорно швейное,
фирмы Зингер почти с примесью ржавой лейки,
слышится в этом стрекоте; и герань обнажает шейные
позвонки белошвейки.

Как семейно шуршанье дождя! как хорошо заштопаны
им прорехи в пейзаже изношенном, будь то выпас
или междудеревье, околица, лужа — чтоб они
зрению не дали выпасть
из пространства. Дождь! двигатель близорукости,
летописец вне кельи, жадный до пищи постной,
испещряющий суглинок, точно перо без рукописи,
клинописью и оспой.

Повернуться спиной к окну и увидеть шинель с погонами
на коричневой вешалке, чернобурку на спинке кресла,
бахрому желтой скатерти, что, совладав с законами
тяготенья, воскресла
и накрыла обеденный стол, за которым втроем за ужином
мы сидим поздно вечером, и ты говоришь сонливым,
совершенно моим, но дальностью лет приглушенным
голосом: «Ну и ливень».

13 октября

С Божьей помощью, добрались до Венеции, на о.
Лидо. Почему на Лидо? Хотелось, чтобы машина была
рядом, в самой Венеции это, понятное дело, невозможно.
А еще соблазнил знаменитый пляж Лидо, тот самый,
который снимал Висконти в «Смерти в Венеции».
Подумал, а вдруг еще удастся залезть в море. Увы...
Хорошо бы, не было наводнения, правда, сапоги мы уже
прикупили в Австрии.

Именно из Верхней Австрии мы сегодня и
стартовали по направлению к морю. Ночевали мы в уютном городке Гмунден на озере Траунзее,
римляне называли его Лакус Феликс (счастливое озеро). Конечно, шел дождь, но все равно решили

прогуляться, и не пожалели. Прекрасный городок с чудесным озерным замком Орт постройки 1578 г., который стоит на островке, соединенном понтонным мостом с берегом. Потом поехали через Альпы в Италию. По дороге были места, где лежал свежий снег, за бортом было +3, а после перевала даже выглянуло солнышко, все-таки Италия и +14. Слава Богу за все!

13 октября

Говорят, сегодня последний более-менее нормальный день в Венеции, завтра польют дожди, из-за которых мы так торопились на юг. Надо многое успеть, а торопиться и уж тем более суетиться очень не хочется. А чего хочется? Бродский, как всегда, точен:

Приехать к морю в несезон,
помимо матерьяльных выгод,
имеет тот еще резон,
что это — временный, но выход
за скобки года, из ворот
тюрьмы.

Особых материальных выгод я пока как-то не заметил, а вот вырваться за «скобки года», подышать «другим воздухом», воздухом, в котором разлита Красота, очень хочется. Бродский писал, что «Венеция — возлюбленная глаза». Побежали, ну как же без этого, — баловать глаза. А то вчера с парама мы видели только ночную Венецию, но она все равно прекрасна!

***

Это было неизбежно. И это случилось!

По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком¹.

---

¹ Д. В. Веневитинов, «Венецианская ночь».

***

Под Мостом Вздохов проплывала
Гондола поздною порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной².

13 октября

Сегодняшняя наша прогулка по Венеции завершилась в районе Дорсадуро на Набережной Дзаттере, которая нам известна как «Набережная неисцелимых». Бродский любил дарить свою книгу о Венеции с надписью «От неисцелимого Иосифа». Книга удивительная, и, конечно, она не только про Венецию. Так что буду сопровождать свои фотографии цитатами из этой книги.

«Мы уходим, а красота остается. Ибо мы направляемся к будущему, а красота есть вечное настоящее. Слеза есть попытка задержаться, остаться... Но это против правил. Слеза есть движение вспять, дань будущего прошлому, или же она есть результат вычитания большего из меньшего: красоты из человека. То же верно и для любви, ибо и любовь больше того, кто любит».

А здесь так точно про местную топографию. Вот уж на что я и картограф, и геодезист, и карта была под рукой, а все равно все время не понимал, где я и куда надо идти. Впрочем, и правда, тупиков не было... была просто вода, везде вода. И трудно не согласиться с поэтом: «...раз Дух Божий носился над водою, вода должна была его отражать».

«Немного времени — три-четыре дня, — и тело уже считает себя только транспортным средством глаза, некоей субмариной для его то распахнутого, то сощуренного перископа. Разумеется, любое попадание оборачивается стрельбой по своим: на дно уходит твое сердце или же ум; глаз выныривает на поверхность. Причина, конечно, в местной топографии, в улицах, узких, вьющихся, как угорь, приводящих тебя к камбале площади с собором посередине, который оброс ракушками святых и чьи купола сродни медузам. Куда бы ты, уходя здесь из дому, ни направился, ты заблудишься в этих длинных витках улиц и переулков, манящих узнать их насквозь, пройти до неуловимого конца, обыкновенно приводящего к воде, так что его даже не назовешь *cul de sac*³».

14 октября

Покров. Дома, наверно, выпал первый снег, и даже если просто идет дождь, как и полагается в Богородичный праздник, это хорошо. И в Венеции сегодня с утра льет как из ведра, вчера началось ровно во время всенощной, а завтра обещают солнышко. И ведь разве могло быть иначе? Богородица не

---

² К. Р., «Мост вздохов».

³ Тупик, конец глухой улицы (*фр.*)

велит :)

Покровителем города считается апостол Марк, мощи которого два смелых венецианских моряка украли из Александрии еще в 828 г. Это была первая, но далеко не последняя святыня, которую набожные венецианцы решили присвоить себе. Правда, в конце XI века их желание иметь у себе в городе мощи свт. Николая Мирликийского, не сбылось, их опередили моряки из южного города Бари.

Но Богородица занимает, конечно, совершенно особое место в городе, где более 150 соборов и церквей. И по количеству храмов на душу населения или квадратный метр вряд ли с Венецией может сравниться какой-нибудь другой город Европы.

Вчера, гуляя по району Сан-Поло, мы зашли в церковь Санта-Мария Глорियोза деи Фрари. Этот величественный готический собор, построенный францисканцами в середине XV века, известен еще и тем, что там находится множество шедевров Ренессанса. В 1576 г. Тициан, умирая от чумы, попросил, чтобы его похоронили в церкви, где находятся два его главных шедевра, что и было выполнено.

Не могу сказать, что я большой знаток и любитель искусства Ренессанса, но вот именно с Тицианом у меня было связано одно очень сильное впечатление юности. В студенчестве я активно восполнял свой культурный нигилизм школьных лет. Книги, театр, кино, — всего этого было очень много, и это было как-то несложно, органично для меня, читал я много и в школе, просто это были совсем не те книги, которые мы проходили по литературе, а вот теперь я открывал для себя то, что сдавал на экзамене в школе. Сложнее было с живописью и совсем сложно с музыкой. Я ходил в консерваторию, где самым интересным для меня были небольшие лекции, предварявшие, собственно, концерт Бетховена, Вагнера или Чайковского. Больше всего нравилось слушать орган, правда, в

отличие от Вагнера, под органную музыку легко засыпалось. Это окамененное нечувствие музыки очень меня печалит и по сей день. Вот перед поездкой в Венецию мы с Дашей посмотрели шедевр Лукино Висконти «Смерть в Венеции». Я, к сожалению не читал, этой повести Томаса Манна и не могу судить, насколько Висконти пытался походить на оригинал. Да и возможно ли это? Фильм оставил тягостное впечатление, и даже не потому, что в центре этой картины страсть стареющего композитора к юному и прекрасному юноше. Я понимал, что фильм, снятый почти пятьдесят лет назад, посвящен не только модной сегодня теме. Он вообще про любовь. Любовь к красоте как таковой. И то, что эта красота воплощается в юноше, а не в девушке, уводит нас от романтизма и сентиментализма и в то же время делает ее — красоту — какой-то двусмысленной. Любовь бескорыстную, заведомо безответную, про которую Бродский писал: «Любовь есть бескорыстное чувство, улица с односторонним движением». Любовь, которая заставляет жить и творить, но и которая приносит смерть. Тягостно было осознавать, что на самом деле главный герой этого фильма не композитор, которого великолепно играет Дирк Богарт, а Музыка. Музыка Густава Малера, но я ее слышу и не слышу одновременно, это как пить хороший виски, потеряв обоняние, — лучше тогда и не пить. Т. е. понимаешь, что это как-то особенно

хорошо, да еще все про это говорят, а почувствовать не можешь.

С живописью я тоже пытался познакомиться. Бывая регулярно в Питере, не вылезал из Эрмитажа и Русского музея, а в Москве почему-то никуда не ходил, не был даже в Третьяковке до не давнего времени ни разу. А еще любил смотреть альбомы. И с искусством Ренессанса был знаком исключительно по репродукциям, и как-то меня это не трогало, не то, что импрессионисты или зал Пикассо в Эрмитаже. Точно не помню когда, но где-то во второй половине 1980-х в Пушкинский музей привезли выставку мастеров Ренессанса, кажется, из Италии. Это было событие, надо было идти, очередь была огромная, а интереса особого не было. Выстоял я эту очередь и уже был несколько раздражен, начиная осмотр. То, что я увидел, в основном было мне знакомо по альбомам, но ощущение было совсем другим. Это трудно описать, но я был потрясен. Наверное, так бывает, когда долго смотришь на мир сквозь грязные очки, не замечая этой грязи и думая, что мир и правда такой. Потом кто-то как бы случайно протрет твои очки, и ты приходишь в изумление:

оказывается, все выглядит совсем не так, хотя и похоже. Психологи называют это инсайтом, мне больше нравится слово «прозрение», особенно сейчас в Венеции, когда все воспринимается через зрение. На той выставке было много Тициана, и именно ему я остался благодарен за это прозрение. Все это я вспоминал, стоя у гробницы Тициана в церкви Фрари в Венеции, а затем — долго рассматривая его «Мадонну Пезаро». «Вознесение Богоматери», которая доминирует над алтарем и является главным шедевром Фрари, я толком рассмотреть не мог. Близко подойти было нельзя, а зрение, даже в очках, как-то уже слабовато. В этой церкви еще есть прекрасный триптих «Мадонны с Младенцем» учителя Тициана Беллини.

«Дождь идет с утра, будет, был и есть»...

Я сегодня никуда не пошел, отправил Дашу одну в Венецию. Нога болит очень сильно, подагра, будь она неладна. Уже неделю, как она все ноет и ноет, а вчера, видно, находился, и совсем стало плохо. Но вот зато лежу, за окном дождь, в 50 метрах знаменитый пляж Лидо и Адриатика, читаю Бродского.

А пишет он очень мудрые вещи, о которых еще вчера как-то и не думал, а вот сегодня под нудный, не сильный, но неотступный зуд боли... все ложится на свои места.

«Возможно, лучшее доказательство бытия Божия — то, что мы не знаем, когда умрем. Иными словами, будь жизнь чисто человеческим делом, человека при рождении снабжали бы сроком или приговором, точно определяющим продолжительность его пребывания здесь — как это делается в лагерях. Из того, что этого не происходит, следует, что дело это не вполне человеческое; что в дело вмешивается нечто за пределами нашего воображения и контроля. Что имеется сила, не подлежащая ни нашей хронологии, ни, если на то пошло, нашему понятию о заслугах».

Мне кажется, что это очень светлые, обнадеживающие слова.

И чтобы как-то связать воедино Богородицу и ее сегодняшний праздник, Тициана, который так ее чтил, Венецию, где так много ее храмов, вот еще из Бродского:

«Человек есть то, на что он смотрит, — по крайней мере, отчасти».

Будем учиться смотреть и видеть. С праздником!

15 октября

Стихия сегодня под вечер так разбушевалась, что когда Даша возвращалась из Венеции, уже на Лидо, на автобус, в котором она ехала, упало дерево. Слава Богу, никто не пострадал. Сейчас все затихло, и даже дождь прекратился. Надеюсь завтра добраться до Венеции, хотя нога не проходит.

Здесь фотографии, которые Даша снимала, и еще Бродский:

«Если бы мир считался жанром, его главным стилистическим приемом служила бы, несомненно, вода. Если этого не происходит, то или потому, что у Всемогущего, кажется, не так много альтернатив, или потому, что сама мысль в своем движении подражает воде. Как и почерк, как и переживания, как кровь. Отражение есть свойство жидких субстанций, и даже в дождливый день можно доказать превосходство своей верности над верностью стекла, встав за ним. Этот город захватывает дух в любую погоду, разнообразие которой, во всяком случае, несколько ограничено. А если мы, действительно, отчасти синоним воды, которая точный синоним времени, тогда наши чувства к этому городу улучшают будущее, вносят вклад в ту Адриатику или Атлантику времени, которая запасает наши

отражения впрок до тех времен, когда нас уже давно не будет. Из них, как из обтрепанных рисунков сепией, время, может быть, сумеет составить, по принципу коллажа, лучшую, чем без них, версию будущего. В этом смысле все мы — венецианцы по определению, поскольку там, в своей Адриатике, или Атлантике, или Балтике, время, оно же вода, вяжет или ткёт из наших отражений (они же любовь к этому месту) неповторимые узоры, совсем как иссохшие старухи в черном на здешних островах, навсегда погруженные в свое глазоломное рукоделие».

16 октября

Побывали сегодня на Сан-Микеле⁴. Отслужили литию.

Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает.

Значит, нету разлук.

Существует громадная встреча.

Значит, кто-то нас вдруг

в темноте обнимает за плечи,

и полны темноты,

и полны темноты и покоя,

мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

19 октября

Четвертый день, как мы в Швейцарии, собственно, это конечный пункт нашего путешествия, т. е., в каком-то смысле, его цель. В небольшой деревушке Орселина, что прямо над г. Локарно на берегу прекрасного озера Лаго-Маджоре в итальянском кантоне Швейцарии Тичино, есть гомеопатическая клиника Санта Кроче (Святого Креста) профессора Спинеди, где Даша неделю будет проходить своего рода практику, наблюдая за работой швейцарских врачей. А я собирался походить по замечательным местным горам и долинам рек. Взял даже специальные

ботинки, в которых поднимался на г. Афон, но, увы, ботинки пока негодились. Нога болит, не то что ходить по горам, просто пройтись пока нелегко.

Есть у меня одна мечта, ну, не мечта, а навязчивая мысль, особенно сильно она меня мучает после посещения книжных магазинов. Как бы было прекрасно, если бы неожиданно сложилось так, что я, в силу каких-то непреодолимых причин, оказался вынужден находиться дома. Один, телефон сломан, интернета нет, ничего нет, но есть книги... Понятно, что опыта у меня такого не было, и вот стоило уехать от дома за 3500 км, именно столько по спидометру мы проехали из Черногловки до Локарно, как мечта неожиданно стала сбываться. Вот уже третий день я в небольшой и очень уютной комнатке, в которой есть прекрасная терраса с видом на Лаго Маджоре, сижу, лежу, немного и с трудом брожу и читаю, читаю, под звон колокола каждые четверть часа из соседнего храма.

Читаю Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», ибо из Локарно мы едем в Милан, и я очень надеюсь, что удастся посмотреть Тайную Вечерю, а затем во Флоренцию. У Мережковского в романе как раз описываются события, когда Леонардо служил у герцога Сфорца и писал Тайную Вечерю, а также последние годы Савонаролы во Флоренции.

Книга замечательная, как, собственно, и все у Мережковского, которого я очень люблю. Прошлым летом, готовясь к школе, где мы проходили XIX век, прочитал его трилогию про декабристов.

---

⁴ Остров, на котором расположено городское кладбище Венеции, где похоронен И. Бродский.

Вот несколько интересных мыслей, которые автор вкладывает в уста Леонардо:

«Суждение врага нередко правдивее и полезнее, чем суждение друга. Ненависть в людях почти всегда глубже любви. Взор ненавидящего пронизательнее взора любящего. Истинный друг все равно, что ты сам. Враг не похож на тебя, — вот в чем сила его. Ненависть освещает многое, скрытое от любви. Помни это и не презирай хулы врагов».

«Ложь так презренна, что, превознося величие Бога, унижает Его; истина так прекрасна, что, восхваляя самые малые вещи, облагораживает их. Между истиной и ложью такая же разница, как между мраком и светом». Еще больше, мне кажется, это относится к человеку, который говорит (проповедует). Если слышишь прекрасные слова, возвышенные идеи от человека, к которому нет внутреннего доверия, то становится еще хуже от его правильных речей.

А в этих словах Леонардо, как мне кажется, заключена главная идея самого Мережковского:

«Помни: между светом и мраком есть нечто среднее, двойственное, одинаково причастное и тому, и другому, как бы светлая тень или темный свет. Ищи его, художник: в нем тайна пленительной прелести!» Именно из-за этой тяги к пленительной прелести его (Мережковского) и не любили многие. И именно это привело его к тому, что он не сумел разглядеть ни в Муссолини, ни в Гитлере обыкновенный мрак.

А вот еще его тема. Ученик Леонардо, юноша Джованни, мучается над вопросом. «Апостол утверждает: познание из любви; а Леонардо — любовь из познания. Кто прав? Я этого не могу решить и не могу жить, не решив». А ведь, и правда, кто прав? Мережковский явно на стороне Леонардо, а вопрос интересный и важный.

Ну чтобы с небесных высот опуститься на грешную землю, вот вам занятный разговор в трактире башмачника Карболо с лудильщиком Скарабулло:

« — Если хочешь быть умным, Скарабулло, никогда не женись!

— Почему?

— Видишь ли, друг, — продолжал башмачник глубокомысленно, — жениться — все равно, что запустить руку в мешок со змеями, чтобы вынуть угря. Лучше иметь подагру, чем жену, Скарабулло!» Как человек, имеющий и подагру, и жену, и опираясь исключительно на опыт, что так приветствовал Леонардо, решительно не соглашусь с башмачником. Что бы я делал со своей подагрой без своей жены! Вчера я все-таки после обеда сбежал из своего укрытия в горы, в долину реки Маджия, доехал до самого истока, до озера Самбуко, это км 50 от Локарно. Из машины почти не выходил, так — маленько-маленько (жена не велит). Красота там удивительная! А почти на самом верху в деревушке Могно наткнулся на церковь Иоанна Крестителя, построенную в 1986 г. Не знаю, понравилась ли бы она Леонардо, почему-то думаю, что понравилась бы, очень уж он любил математику и механику, хотя... А еще там рядом с ней, в не очень заметном месте, какой-то индуистский истукан. Чтобы это значило? Мне было интересно, но хорошо, что в Швейцарии очень мало таких современных церквей, а много таких чудесных, как крохотная церковь Марии дель Грация, стоящая буквально на камне среди гор. А еще много старинных деревенских домов, как, например, дом, стоящий рядом с современной церковью Иоанна Крестителя, постройки 1651 г. И таких домов просто очень много, и многие из них — жилые. Вот такая история. Написал, а интернета-то нет. Надеюсь сегодня зайти в какую-нибудь тратторию и выпить чашечку кофе, а заодно и попасть в сеть, о себе рассказать и людей послушать. А потом опять

читать, ведь параллельно с Мережковским я читаю еще одну книгу, но о ней, может быть, в следующий раз. Скажу только, что автор швейцарец, а пишет о России.

19 октября

А еще когда мы уезжали с острова Лидо в воскресенье, мы зашли в храм Свт. Николая, который находится рядом с паромной переправой. Отец Ярослав Кадило сказал, что там должны храниться мощи свят. Николая, т. к. моряки из Бари не все смогли увезти из Мир Ликийских и венецианцам тоже перепало. Зайдя в храм, мы встретили только одного сторожа, который говорил исключительно по-итальянски. И, если я его правильно понял, то часть десницы святителя и правда находится в этом храме, над престолом. Помолившись, мы отправились в путь. Хотели заехать в Падую, посмотреть фрески Джотто, но оказалось, что записываться надо было загодя. И потому решили объехать вокруг озера Гарда. Очень красиво, чистейшая вода, но вечером попали в страшнейшую пробку. Миланцы после воскресного дня возвращались домой. А на границе с Швейцарией нас ждал еще один сюрприз. Оказывается, чтобы передвигаться по швейцарским автострадам, надо не просто платить за разовый проезд, а заплатить сразу за год и никак иначе, а это 40 евро. Можно, конечно, было ехать обычной дорогой, но было уже так темно и поздно, что решили раскошелиться.

20 октября

В путешествии всегда хочется увидеть что-то новое, но, когда попадаешь в места, которые уже успел полюбить, то это не менее чудесно. Два года назад я уже был в Локарно, и больше всего мне понравилась эта долина Верзаска, с подлинным мостом времен Римской империи (Лавертеццо) и деревенькой Сононьо, где сохранились дома XVII века, и это не музей, типа Кижей, это обыкновенная жилая деревня.

22 октября

Добрались до Милана. По пути заехали в Беллинцону с ее замечательными крепостями.

***

После Беллинцоны по дороге на Милан забрались на Балкон Италии⁵. Удивительное место. Два года назад мы тут уже были, но облака были так низко, что ничего, кроме них, видно не было. Сегодня была прекрасная погода, хотя видимость и не очень, все было в дымке. Внизу Лугано и гора Спасителя.

22 октября

В Милане нас приютила в своей маленькой и уютной квартирке Аня Красникова с сыном Илюшей и котом Ватсоном. Три года назад Аня уехала из Черногловки, преподает и учится в Католическом

---

⁵ Знаменитая смотровая площадка.

университете. Преподает русский язык, а изучает литературу советского периода, ту, которую в Советском Союзе не издавали, и впервые она выходила именно здесь, а еще работает в издательстве и бегаёт на марафонские дистанции. В общем, она молодец.

Мы строили планы на сегодня. «Тайную Вечерю» Леонардо посмотреть не получится. Суббота, народу так много, что записываться надо недели за две. Удивительно, ведь в трапезной можно находиться всего пятнадцать минут. Но я не расстроился. Значит, будет еще зачем приехать в Милан, а сегодня постараюсь зайти в Амброзианскую пинакотеку, там есть копия «Тайной Вечери» XVII века и много чего еще. Затем из Лондона должны прилететь наши друзья, заядлые футбольные болельщики, и вечером мы пойдем на стадион Сан-Сиро на битву гигантов — «Милан» принимает «Ювентус».

После ужина мы немного поговорили о политике. Я узнал, что, несмотря ни на что, в Италии по-прежнему, а может, даже еще больше обожают Россию, и успокоился. Например, в Университете второй самый изучаемый иностранный язык, после английского, — русский. В том, что Запад несет частичную ответственность за то, что мы тут, в России, все больше скатываемся в советское прошлое с его поиском врагов, патриотической мобилизацией, милитаризацией, изоляцией и прочей ерундой, Аня со мной не согласилась. Мои доводы, вот, мол, если бы они не лезли к нам (НАТО на восток, Украина) и вообще не смотрели бы на нас как на потенциальных насильников и злодеев, кажись, и мы бы потихонечку смогли бы убежать от своего советского прошлого, — ее не убедили. Наверное, я по натуре оптимист или просто просто забыл, что я далеко от дома, а ведь, как говаривал очень не глупый человек Свидригайлов, «...нет, на родине лучше: тут, по крайней мере, во всем других винишь, а себя оправдываешь...» Короче, сами во всем виноваты, самим и исправлять надо... А Запад? Что Запад, Запад... Я вот вчера настоящую моцареллу попробовал и даже глоточек подлинного Кьянти сделал, опять же — Леонардо и «Ювентус». Здесь цивилизация, а, как известно, «от цивилизации человек смягчается», хорошим становится человек, культурным. А вот Федор Михайлович Достоевский подолгу, как известно, живший в этой цивилизации, ставил под сомнения этот тезис. «Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек... дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение... самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины иной раз в подметки не годились...»⁶

Может, он, конечно, и прав, — не знаю. Но ведь и он, я думаю, тоже ошибался, ведь писал же: «...Жить же за границей очень скучно, где бы то ни было...»

Может, это долго жить скучно, но пару недель совсем даже не скучно, а скорее, наоборот. Много нового узнаешь, помимо моцареллы, я вчера узнал, что «добавка» — очень важное слово для Италии — это хорошо нам знакомое «бис». А не менее привычное «Наталия» происходит от латинского «Рождество». Вот так, Настя — Воскресение, Наташа — Рождество. А вы говорите — скучно; сегодня, если «Милан» задаст «Юве», совсем будет не скучно.

---

⁶ Ф. М. Достоевский. Записки из подполья.

24 октября

Сегодня с утра, или уже получается вчера, мы с друзьями, присоединившимися к нам, выдвинулись из Милана в Брешию. В этом замечательном древнем городке между Миланом и Вероной в храме Всех Скорбящих Радость служит отец Владимир Зелинский. С отцом Владимиром мы были знакомы заочно, я читал его книги и статьи, и очень хотелось лично встретиться. И встреча случилась, да еще за Божественной Литургией. В помещении католического храма, которым безвозмездно пользуется православная община, было все очень по-домашнему. Людей было много, хор пел очень душевно и молитвенно, в какой-то момент мне показалось, что мы не в Италии, а где-то под Полтавой. После службы нас пригласили на трапезу, а затем отец Владимир проводил нас по городу до римского форума времен Веспасиана. После чего мы направились во Флоренцию, а по пути заехали в Пизу.

25 октября

Писать, что Флоренция — красивый город, даже как-то неловко.

Страной святых чудес называл Достоевский Европу. Во Флоренции как-то становится очень понятно, что имел в виду Федор Михайлович. А еще он писал: «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся)».

И все же мы очень разные. И эта незамысловатая мысль стала для меня сегодня очень ясной, когда я рассматривал замечательные фрески Андреа Бонайути в Испанской капелле доминиканской церкви Санта-Мария-Новелла.

Фрески были выполнены художником в 1368 г. В это время на Руси восемнадцатилетний Дмитрий Донской еще тягался с Тверью и Литвой, платил дань татарам и только что заменил деревянные стены Кремля белокаменными. Пройдет еще 100 лет до тех пор, когда итальянские мастера построят Успенский собор и много чего еще, и Кремль станет таким, каким мы его все знаем и любим, про который поэт сказал: «Здесь наших бед и нашей славы хранится повесть! Эти главы святым сиянием горят!» (Г. Языков).

Но я, собственно, хотел два слова написать про фрески Бонайути XIV века., точнее об одной из них. Называется она «Апофеоз Святого Фомы». Почему в доминиканском монастыре — Фома Аквинский, понятно. Но вот что меня поразило: вместе с ним на этой фреске находятся не только мудрецы и пророки Ветхого Завета и апостолы и евангелисты, но и византийский император Юстиниан, и православный богослов Иоанн Дамаскин. Но это еще не все — рядом с ними мы находим древнегреческих философов и ученых: Аристотеля, Пифагора, Евклида и Птолемея.

У нас любят говорить, что Европа стала такой богатой и сильной, потому что захватила полмира и нещадно грабила свои колонии, жирея на рабском труде аборигенов. Что ж, не без этого, но в XIV в. и даже в XV в. колоний еще не было. А что было? Был поразительный интерес к познанию мира, а потому и ко всем, кто на этом пути чего-то достиг. И не так важно, что это могли быть и не христиане.

Да, именно в этом доминиканском соборе Санта-Мария-Новелла, Галилея заставили отречься от своих идей, но то, что эти идеи появились у флорентийского ученого, стало возможным именно потому, что за 200 лет до него художник рисовал рядом с святым Фомой Аквинским — Аристотеля и Пифагора.

У нас было все несколько иначе. Когда-то Пушкин сказал: «Я не хочу иметь никакой другой истории, кроме той, что Господь Бог дал России...». Я тоже не хочу. Странно хотеть невозможного. Просто, гуляя по улицам Флоренции, хочется согласиться с Достоевским: «Европа наша родина», и она — «страна святых чудес», но вот трудно не увидеть, что Россия для европейцев совсем не родина. И в этом наше отличие, наше несхожесть, наше неравенство.

25 октября

Сегодня мы, оставив Флоренцию, поехали дальше на юг Тосканы. Путь наш лежал в Сиену, но по дороге туда мы заехали еще в одно замечательное место — Сан Гальгано. Его нет в путеводителях, но эти руины, я думаю, знакомы всем. Именно здесь Тарковский снимал «Ностальгию». Олега Янковского уже с нами нет, в декабре будет 30 лет, как ушел из жизни Андрей Тарковский, а вот пес, который был в этом фильме, до сих пор бродит по Сан Гальгано. Правда, не все его могут видеть, а только те, кто очень любит фильмы Тарковского. Нам удалось не только встретить пса, но и запечатлеть его для вас.

И несколько слов о самом этом месте и святом Гальгано. Поверьте, эта история стоит того, чтобы ее прочитать.

Историческая часть легенды о мече такова: Гальгано Гуидотти родился в 1148 г. в сиенской семье, уже почти отчаявшейся иметь детей. Говорят, что его матери приснился архангел Михаил, который предрек ей рождение сына. Так оно вскоре и случилось. Избалованный родителями, Гальгано юность свою провел в разнузданном веселье, но потом повзрослел, стал рыцарем и был кровожаден и жесток.

По одной из версий развития событий, однажды ночью ему приснился все тот же архангел Михаил, который, взяв поводья лошади Гальгано, повел коня на заросший лесом холм. На следующее утро Гальгано поднялся на холм и, вынув меч из ножен, хотел разбить его о тяжелый камень. Но камень, внезапно открывшись, принял меч в себя. Для Гальгано этот меч на вершине холма стал символом Распятия, перед которым он стал молиться, оставив семью, раздав деньги и оружие своим воинам. Для него началась новая жизнь.

Построив хижину на вершине холма, он жил в бедности, исцелял больных и одержимых, у него появились ученики. В 1181 г. Гальгано умер. Ученики нашли его, уже похолодевшего, на коленях возле меча.

Всего через четыре года после смерти, в 1185 г. Гальгано стал идеалом средневекового рыцарства и был канонизирован папой Урбаном III. Строительство церкви и монастырского комплекса продолжалось целых восемьдесят лет.

До 1364 г. аббатство процветало. Но потом пришло в упадок, в первую очередь благодаря некоему его управляющему Джироламо Вителли, который из-за нехватки денег потихоньку распродал его сокровища и даже черепицу с крыши. С 1789 г. действующей осталась лишь ротонда, а само аббатство было заброшено и постепенно превращалось в руины.

Долгое время полагали, что меч — лишь фальшивка, предназначенная для привлечения туристов, однако датировка металла, проведенная учеными в университете города Павия, показала, что это не так. Именно этот факт и дает основание ученым полагать, что именно жизнь Гальгано навеяла легенды о короле Артуре, а сам Гальгано был прообразом сэра Персиваля.

О жестокости тех времен напоминают две высушенные человеческие кисти рук, которые хранятся в соседней с камнем и мечом комнатке. Рядом с ними табличка, которая подтверждает, что радиологическими исследованиями установлено — эти руки принадлежали современнику Гальгано, который, по легенде, пытался похитить меч и был загрызен волками, сопровождавшими святого.

25 октября

А вот и Сиена. Хотели еще заехать в Сан-Джиминьяно, но Сиена так затянула, что ни сил, ни времени уже не осталось. Собор, Кампо, Палаццо Публико с колокольной Торре дель Манджа, второй по высоте в Италии и главное — улочки Сиены, бродить по которым можно бесконечно. Нет ни одного современного здания, такое ощущение, что здесь вообще после XVI века, когда Флоренция победила Сиену, ничего не строили. Даже в Венеции у меня не было такого ощущения погружения в Средневековье. Может, это еще и потому, что туристов здесь на порядок меньше и магазинов тоже. Передать впечатление от Собора невозможно.

26 октября

Конечно, за пару дней даже малой толики шедевров Флоренции не увидишь. А о том немногим, что удалось посмотреть, не напишешь. Но есть какие-то очень яркие впечатления. Про фрески в Испанской капелле Санта-Мария-Новелла я рассказывал, а сегодня мы побывали в монастыре Сан Марко. Именно в нем в конце XV века был настоятелем Савонарола, сожженный на площади Синьории в 1498 г. О нем я скажу несколько слов отдельно. А здесь — о том, что стало самым сильным впечатлением сегодня. Монастырь Сан Марко, построенный доминиканцами в 1437 г. на средства Козимо Медичи,

сегодня привлекает всех фресками Фра Анджелико. Мы планировали утром пойти в Сан Марко, а после обеда в галерею Уффици, но после того, как мы провели пару часов с Фра Анджелико, на Уффици у нас сил уже не осталось. Видно, есть какой-то предел, после которого уже перестаешь воспринимать увиденное, надо как-то все это осмыслить и утрясти. Так что с Леонардо мне опять не повезло, очень хотел увидеть его «Поклонение волхвов», которое так поразило в свое время Тарковского.

Фра Беатриче Анджелико был не только художником, но и монахом этого монастыря. С 1436 г. по 1455 г. (год его смерти) он расписал сорок четыре кельи монастыря Сан Марко. Этот фресковый цикл — нечто совершенно особенное как в творчестве самого художника, так и в истории живописи вообще. Собственно, фрески Фра Анджелико трудно назвать живописью, это иконопись. И дело не только в технике и формальных принципах, по которым можно отличить одно от другого. Я плохо разбираюсь в этом, но вот то,

что творилось это с молитвой и верой, почувствовать удалось. И может, еще и поэтому не захотелось идти в Уффици.

Я до сего дня ничего не знал, кроме, пожалуй, имени, о Фра Анджелико, и рад, что эта встреча произошла. То, что я нашел о нем у всезнающего Вазари, очень согласуется с моими впечатлениями.

«Брат Джованни Анджелико был человеком большой простоты и святости в своем обхождении... Он был очень тихим и уравновешенным, живя целомудренно, вдали от всех мирских треволнений. Он часто повторял, что всякий, кто посвятил себя искусству, нуждается в покое и отсутствии забот, и что творящий дела Христовы должен всегда пребывать со Христом... Все похвалы мои не могут воздать должного этому святому отцу, который был столь смиренен и кроток в своих поступках и рассуждениях, столь легок и благочестив в живописи, что писанные им святые имеют больше, чем у кого-либо другого, подобие блаженных. Некоторые утверждают, что брат Джованни никогда не брался за кисть, прежде не помолившись. И если он писал Распятие, слезы всякий раз струились по его щекам, доброта его искренней и великой души видна в облике и положении его фигур». Как я уже сказал, в монастыре Сан Марко много, очень много работ Фра Анджелико. Это не только фрески в кельях, но и другие фрески на стенах монастыря и иконы, собранные в музее Сан Марко. Но если бы я увидел только одно его Благовещение или даже только лик Девы Марии на этой фреске, этого было бы достаточно, чтобы полюбить его навсегда.

27 октября

Уезжаем из Флоренции на север в Доломитовы Альпы проездом через Верону. И напоследок еще фото из этого чудесного города.

Недалеко от Понто Веккьо, на другом берегу реки Арно, возле дворца Питти мы нашли дом, где жил в 1868 г. Достоевский с семьей, именно здесь он закончил роман «Идиот». Здесь у него и Анны Григорьевны родилась дочь Любовь, отсюда он почти каждый день ходил в галерею Уффици, будучи буквально заморожен ее шедеврами. И все же отношение Федора Михайловича к Европе очень не простое, противоречивое. С одной стороны — «страна святых чудес», «вторая родина», а с другой, — никто так едко, беспощадно не писал об иностранцах. Да и в его романах образ иностранца, не только поляка, однозначно негативен. Ему приходилось, именно приходилось, подолгу жить за границей, но всегда хотелось домой. Я, кажется, начинаю его понимать.

«Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие, действительно уж, чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь, во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу»⁷.

28 октября

Вчера вечером добрались до Альп в местечко Валларга, что в 50 км к северо-востоку от Больцано. Хотели добраться засветло, но на автостраде два часа простояли, прямо перед нами произошла какая-то жуткая авария. Потому не заехали в Верону, но главное — пришлось добираться до места в темноте. Ехали мы по крутой горной дорожке, на которой не то что двум машинам не разъехаться, а непонятно, как и одна-то помещается. Навигатор вел нас уверенно, забирались мы все выше и выше, деревня осталась внизу, и каково же было наше удивление, когда путь нам перегородил шлагбаум! Обратного пути не было и вперед ехать нельзя, до места оставалось еще с километр по навигатору. Позвонили хозяевам, они говорят только по-немецки, не зря Даша учила этот жутко трудный язык, приехал добрый дядечка, сел за руль нашей машины и лихо задом вывез нас на нормальную дорогу. Когда мы вошли в дом, вокруг ничего не было видно, только огромное звездное небо над головой, ну и понятно, нравственный закон внутри.

⁷ Ф. М. Достоевский. Письма. 1866.

28 октября

Прошлой зимой я собирался в горы, друзья приглашали на Эльбрус. Очень хотелось, но не сложилось. Вообще, это какая-то моя навязчивая мечта — побывать в горах. Студентом, летом 1986 г., я почти четыре месяца провел в экспедиции на Камчатке, мы искали золото, в горах. Прошло ровно тридцать лет с той экспедиции, я много где побывал, но ничего прекраснее Камчатки не встречал. Может, это оттуда такая тоска по горам. Мне кажется, на земле нет ничего прекрасней. В горах, как это ни странно, чувствуешь себя человеком. Может, потому, что рядом никого нет. А еще, горы — это всегда путь, движение. Вот до этой гряды, вот еще чуть выше, а что видно оттуда! И с каждого места все меняется, все по-другому видится, а еще и солнце не стоит на месте... А иногда хочется просто сидеть и сидеть, слушать эту тишину, созерцать это величие...

Море? Море я тоже очень люблю, особенно Средиземное. Как некогда сказал Борис Гребенщиков, будучи на Афоне: «Я твердо знаю одно, Господь создал человека, чтобы он жил вокруг Средиземного моря, все остальные места поселения — либо гордость, либо ошибка». Ну вот, мне кажется, что горы могут быть и не только вокруг Средиземного моря, хотя здесь они, безусловно, прекрасны.

Сегодня нам удалось немного походить по горам. Может, это громко сказано. Это, конечно, не Эльбрус — так, альпийские луга, Южный Тироль. И с Камчаткой сравнить тяжело, я думаю, уже ничто не сможет затмить в моем сознании ту мою Камчатку, и очень боюсь, что если Господь сподобит меня еще раз там побывать, у подножия Ичинской сопки в долине реки Облуковина, как бы я не пережил разочарование!

И все же сегодня тоже были горы, и погода была сегодня просто отличной, народу никого, воздух свежий, свежий... краски фантастические. Я раньше часто видел такие краски на картинах или фотографиях, но вживую впервые. А еще я сегодня установил личный рекорд: поднялся на высоту 2400 м до небольшого озера Марбльзее, поднимались с 1700 м, так что было не просто, но это того стоило.

29 октября

Раз уж в нашем путешествии была гондола, то лошадей нам было никак не миновать. Так как предполагалась езда галопом, то меня не взяли, ибо я могу с трудом на лошадь залезть, чудом на ней усидеть, а ехать, да еще галопом... Но я времени даром не терял. Исследовал местную тирольскую деревушку. Надо сказать, что деревня была самая настоящая — все дороги в... навозе, вокруг поля и луга, скот всевозможный, запах и звуки соответствующие. Колокол в местной церквушке бьет каждые полчаса. В наших деревнях я что-то давно ничего такого не замечал. У нас в Трохино пара коров на всю деревню, ну еще кур сосед держит. Но чтобы и лошади, и пони, и коровы, и овцы (даже лам видели, правда, в другой деревне), ну и куры конечно, и пчелы, а еще сколько я всего не заметил! И у каждого дома трактор.

А еще здесь есть такой момент. Если ты крестьянин и часть своего жилья (как правило, это отдельные дома) отдаешь под съем туристам, то тебе за это коммуна дает деньги. Т. е. не ты платишь налог с дополнительного заработка, а тебя спонсируют, если ты привлекаешь в регион туристов. И служащие муниципалитета следят за тем, чтобы условия в этих гостевых фермерских домах были «на уровне». К нам сегодня утром приходили две милые девушки и смотрели, как мы тут живем, всем ли довольны. И еще мы обратили внимание на то, что говорят здесь все исключительно по-немецки. Это не удивительно, хоть и южный, но все-таки Тироль, и земли эти только после Великой войны перешли к Италии. Но надписи все на двух языках и, ясное дело, никакого сепаратизма и тому подобной ерунды здесь нет.

Да, и в этой тирольской деревне, если не очень пахнет навозом, то можно услышать запах чабреца, а береза прямо-таки самое распространенное дерево, после лиственницы, конечно. А какая она сейчас красивая!

29 октября

А после лошадок мы поехали в местечко Маранца, это такой горнолыжный курорт. Находится он не очень высоко (1450 м над уровнем моря), но и тут тоже потрясающие красоты. Поднялись мы туда не на машине, а на фуникулере, т. к. гостям фермерских домов выдаются специальные карточки, позволяющие им бесплатно пользоваться местным транспортом и музеями. Вот такая политика!

30 октября

Дорога домой!

Как известно, все когда-нибудь заканчивается. Вот и подходит к концу наше путешествие.

Встали мы рано, а еще выяснилось, что время в Европе отстало от нашего еще на час. Когда окончательно рассвело, мы покинули гостеприимную и прекрасную долину реки Рейнц в Доломитовых Альпах и отправились на северо-запад. По дороге то справа, то слева попадались какие-то замки, церквушки, и все это — на фоне осенних Альп, хотелось все время съехать с автострады и еще где-нибудь побродить,

но... ведь это дорога домой... Буквально через 50 км позади осталась Италия, которая подарила нам столько впечатлений, и мы въехали в Австрию. И тут же — это было и правда удивительно: солнышко, так щедро согревавшее нас в Италии, спряталось. Конечно, это было некстати, ведь путь наш лежал через красивейшие места: окрестности столицы Тироля Инсбрука, долина реки Инн, а еще впереди роскошная восточная Бавария с ее озерами. Но, чтобы все это увидеть, надо было бы останавливаться, съезжать с автострады, на это все уходило бы время, и в Зальцбург мы приехали бы уже затемно. А так — пулей пронеслись по прекрасной дороге, а в Германии она еще оказалась и бесплатной, хотя и почти в тумане. И мы прибыли в Зальцбург уже в полдень.

Надо сказать, что после Вены, с ее величественным ампиром, я несколько насторожено настраивался на посещение еще одного австрийского города, к тому же еще и столицы барокко, к которому я отношусь более чем прохладно. Но опасения мои были напрасны. Родина Моцарта оказалась чудесным городком, с уютными улочками, величественными храмами и замечательной средневековой крепостью. На каждом углу продаются конфеты Mozartkugeln и уличные музыканты играют Моцарта. Вся наша небольшая прогулка по Зальцбургу, собственно, и состояла из нашего подъема к этой крепости и возвращения обратно, благо, что остановились мы в самом центре у

подножия горы Капуцинов. Крепость Хоэнзальцбург, являющаяся самой крупной из сохранившихся средневековых крепостей центральной Европы, и правда, впечатляет. Построена она была еще в XI веке, и на протяжении всей ее долгой истории ее никто не смог взять силой. Она буквально парит над городом, и оттуда открываются потрясающие виды, которые, наверное, еще более великолепны в ясную погоду, когда видны Альпы.

И хотя в Зальцбурге по улицам уже лет двести как не ходят коровы, мы все-таки, пораженные итальянским агротуризмом, сумели их найти.

Я понимаю, что кому-то будет не хватать моих коротеньких зарисовок с полей Европы, а кто-то с облегчением вздохнет, но на этом все. Надеемся завтра, с помощью Божьей, добраться до польских друзей, Оли с отцом Ярославом. А там посадим Олю с ее кисточками и красками к себе в машину и покатаем напрямик в Черноголовку.

3 ноября

Вот мы и дома. Надо сказать, что это было непросто. Выехали сегодня из Минска в 6 утра, чтобы засветло добраться до Черноголовки, всего-то чуть меньше 800 км. Вчера из Загреба в Жешув, а это 930 км, мы добрались за 8 часов. Но после пары часов езды по занесенному снегом, мокрому и скользкому шоссе, хотя и почти совершенно пустому, на летней резине, в темноте, я понял, что если мы и доедем, то к утру, и это точно будет чудо, такое обыкновенное чудо. И хотя ехали мы по началу низенько-низенько, один раз чуть не улетели с дороги, когда едущая перед нами машина не просто затормозила, а просто почему-то остановилась. Иногда меня спрашивают: «Как научиться молиться?» У меня нет готовых рецептов, хотя... вот попасть сегодня утром к нам в машину — это значит получить глубочайший опыт подлинной молитвы... Правда, не все из нас уповали исключительно на молитву, в какой-то момент по салону разнесся хорошо узнаваемый запах валерьянки. Когда солнышко проснулось, ехать стало полегче, а когда мы подъехали к границам нашей горячо любимой Родины, снег перестал идти, асфальт стал сухим и ехать стало совсем хорошо. А

это разве не чудо, ну пусть очень, очень маленькое?!

Я знаю, что многие в эти дни за нас переживали и молились. Огромное всем спасибо!!!

А еще хочется сказать огромное спасибо всем, кого мы встретили за это время. И нашим хорошим друзьям, и просто знакомым, и совсем не знакомым людям. И в Белоруссии, и в Польше, и в Австрии, и в Швейцарии, и в Италии. Всем, всем огромное спасибо — и милости Божией на многая лета!!!

За время нашего путешествия по дорогам Европы мы проехали почти 8000 км, но как бы ни было замечательно за границей (а там и правда, прекрасно!), дома лучше. Ведь здесь ты точно кому-то нужен. Хотя все же почему-то именно сейчас на душе немного грустно. Наверно, так и должно быть. И хорошо. Спасибо. Слава Богу!

Воротишься на родину. Ну что ж.

Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь?

Воротишься — купи себе на ужин
какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:

во всем твоя одна, твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.

Фотографии со страницы прот. В. Перевезенцева в Facebook

1 — Альпы;

2, 3 — долина Верзаска
(Швейцария).